

М.С.Горбачев. 30-летие Перестройки и современность

Выступление в Московском Международном университете 12 февраля 2015 года

Дорогие друзья!

Надеюсь, что я вправе именно так обращаться к вам. Мы не в первый раз встречаемся. Эта традиция, которую я готов продолжать. В этом году нашу встречу нелегко было организовать. Но для этого есть основательные причины, потому что у меня на первом плане оказалась борьба с недугами, которые навалились на меня. И тем не менее мы с вами собрались.

Я рад этой встрече. Признаюсь, что встречи с молодежью для меня всегда - особое событие, и содержательное, и эмоциональное.

Людам в моем возрасте такие встречи о многом напоминают. В такие моменты мы – представители моего поколения – начинаем завидовать вам. Но я думаю, что и у вас есть интерес к истории жизни нашего поколения.

Мне навсегда запомнились слова, в которых содержится большой смысл. Любое общество может считаться зрелым, если оно оказалось способным подготовить себе смену. Не всегда и не все до сих пор понимают глубокий смысл этой констатации.

Для меня это связано и с тем, что много лет своей жизни я посвятил молодежной политике, работая в комсомоле.

Собственно, те годы и определили мой выбор. Хотя после окончания Московского университета я был направлен по распределению в органы прокуратуры, почти сразу сделал другой выбор: когда мне предложили комсомольскую работу, я согласился.

Это было одно из решений, имевших определяющее значение в моей жизни.

В годы моей работы в комсомоле я понял одну важную вещь: работа с молодежью – это дело, к которому надо относиться серьезно. Это не похлопывание по плечу. К молодым людям нельзя относиться свысока. Они заслуживают уважения.

Каждое общество – это союз поколений, вернее, оно должно быть таким союзом. И оно нуждается в таких отношениях между поколениями. Здесь заключен большой потенциал сотрудничества и движения вперед.

Много плюсов имеет молодость. Но у нее есть один серьезный недостаток: она быстро проходит. И поэтому нельзя терять время. Надо использовать эти годы в полной мере.

Чего греха таить, и в наше время, и сейчас есть немало людей, которые просто транжирят это время.

Очень много значат для человека годы учебы, овладения знаниями. Особенно сейчас. Потому что сегодняшний мир – это глобальный мир, а наше время – эпоха знаний.

Глядя на вас, я не могу не вспоминать о годах своей учебы в Московском государственном университете.

А начиналось с того, что в 1950 году после успешного окончания школы с серебряной медалью я отправил документы в Московский университет. Какое-то время не было ответа. Я продолжал работать на комбайне, но начал волноваться. Попросил у отца разрешения съездить на почту и послать телеграмму. Через два-три дня почтальон принес ответ Московского университета: Вы зачислены с общежитием.

Эта фраза запомнилась и волнует меня до сих пор. Все остальное отступило куда-то. Главное – я студент университета.

Пришло время отъезда, прощания. Тут я должен сказать, что Привольное, моя родина – это глубинка, отдаленное село на Северном Кавказе, без электричества, радио, телефона, без хороших дорог. До железной дороги путь не близкий.

Я первый раз ехал в поезде, с огромным интересом смотрел в окно на города и села, которые проезжал по пути. Все, что я видел, волновало, было интересно.

Но особенно запомнился мне один момент. До сих пор вспоминаю о нем с волнением. Я уже забрался со своим чемоданом на полуторку. Настроение было – скорее ехать. Но вдруг в какой-то момент я обернулся и увидел: мой дед, старый коммунист, смотрел на меня и плакал. Для него это было не меньшим событием, чем для меня.

Я уезжал на учебу в Москву, в столицу, в главный университет страны.

Университет дал мне очень много. И знания, и ту среду, где формировались навыки мышления и – даже в те годы! – критическое отношение к жизни. Это были годы становления тех, кого потом называли поколением шестидесятников, тех, кто под влиянием решений XX съезда партии, осудившего культ Сталина, задумался о необходимости реформирования советского общества.

Но не меньше, а, может быть, даже и больше дала мне Москва – великий город. Все там было для меня открытием: и метро, и театры, и музеи. Все это я впитывал в себя одновременно со знаниями, которые получал в университете.

И здесь же, в Москве произошла моя встреча с Раисой, приехавшей из Сибири. Она стала моей женой. И в моей жизни она занимала и занимает особое место.

После университета, как я уже сказал, я вернулся на Родину - на Ставрополье. Комсомольская и партийная работа в то время была практически единственной возможностью для человека проявить общественную активность, реализовать лидерские качества. Я чувствовал в себе этот потенциал, хотел принести пользу людям.

Более двадцати лет я отдал Ставропольскому краю. Это были годы больших перемен, связанных с XX съездом партии. Пришлось решать многие задачи. Ставрополье стало в эти годы, по сути дела, современным промышленным краем, а сельское хозяйство переводилось на интенсивные методы. Строились дороги, школы, дома культуры.

В общем, для меня это была своего рода малая перестройка. Опыт, который я получил, имел большое значение. Я поверил в свои силы.

Сделать в Ставропольском крае удалось немало. Но уже тогда я постоянно чувствовал: решение многих вопросов упирается в препятствия, которые невозможно преодолеть на этом уровне. Централизованная административно-командная система сковывала инициативу людей, держала экономику в смиренной рубашке, а тех, кто все-таки пытался проявить инициативу, нередко наказывала.

Тем не менее я тогда не ставил под сомнение суть этой системы. Мне, как и многим, казалось, что многое можно улучшить, если усовершенствовать механизмы принятия решений в центре, привести новых людей, дать им больше полномочий и возможностей.

Но в том-то и дело, что система отторгала любые попытки частичных реформ. Так была похоронена «косыгинская реформа» - попытка избавить экономику от диктата, дать людям и предприятиям больше возможностей проявления инициативы.

Работая с конца 70-х годов в Москве, на посту секретаря ЦК, я все больше убеждался, что отказ от реформирования сложившейся в стране системы все больше заводит нас в тупик. В мире разворачивалась научно-техническая революция, наиболее развитые страны адаптировались к ней, и хотя это был сложный, иногда болезненный процесс, но он давал свои плоды. А наша система оказалась невосприимчивой к прогрессу, страна все больше увязала в застое.

К началу 80-х годов мы отставали от ведущих стран по производительности труда в промышленности в 2,5 раза, в сельском хозяйстве – в 4 раза. Экономика была милитаризована, ей все труднее было нести бремя гонки вооружений. Ее структура была искривлена в сторону добывающих отраслей и тяжелой промышленности.

Страна, где сосредоточено до 40 процентов мировых ресурсов, с талантливым и высокообразованным населением, не могла удовлетворить многие базовые потребности людей, которые стояли в очередях и гонялись за «дефицитными» товарами.

В обществе крепло убеждение: так дальше жить нельзя.

Перемены стучались в окна и двери. Надо было решаться на них, как ни рискованно это было и даже опасно.

Но сами по себе перемены начаться не могли. Они стали возможны потому, что в СССР пришло к руководству новое поколение политиков, способных на современное мышление и готовых взять на себя ответственность.

Могу сказать: мы пошли на перемены не ради почестей и славы, а потому что понимали: люди заслуживают лучшей жизни и большей свободы. Они имеют право участвовать в решении всех вопросов, определяющих их будущее и будущее страны.

Не менее важно то, что мы видели перестройку как часть общемирового процесса, происходящего в глобальном, взаимосвязанном и взаимозависимом мире. Глобальные проблемы, о которых мы говорим сегодня – безопасность, бедность и отсталость, экологический кризис – уже тогда диктовали необходимость совместных усилий. И мы хотели, чтобы наша страна заняла достойное место в движении к более безопасному и более справедливому миру.

Перестройка прошла через определенные этапы. Нас обвиняли в том, что у нас нет плана, концепции. Но готовых рецептов и не могло быть. Концепция перестройки формировалась по мере ее развития, по мере того, как раскрепощались люди. Но оставалось неизменным наше стремление соединить политику с моралью, нравственностью, сделать так, чтобы государство и экономика служили человеку.

Важнейшим инструментом перестройки стала гласность. Что такое гласность? Это, конечно, свобода слова. Люди получили возможность открыто говорить о наблевшем, высказывать свое мнение, не боясь цензуры и репрессий. Но гласность – это еще о открытость в действиях государства, это требование к руководству объяснять свои решения, учитывать мнения людей.

Поэтому я должен был возразить Александру Исаевичу Солженицыну, который однажды сказал: «Горбачевская гласность все погубила». Я ответил, что если бы не гласность, страна продолжала бы топтаться на месте, в тупике, а сам он до конца дней жил бы в штате Вермонт, где он оказался после изгнания из своей страны в 1972 году.

Гласность всколыхнула общество, на многое открыла глаза руководству страны. Мы увидели, что люди хотят более быстрого движения вперед. Поняли, что необходимым условием этого является демократизация всех сторон жизни общества, в том числе демократизация политической системы. В 1988 году на партийной конференции были приняты решения о проведении выборов в высшие органы власти на альтернативной основе. Это был важнейший шаг к демократии.

И сегодня я убежден, что курс был взят правильный. Но это, конечно, не значит, что все принимавшиеся тогда решения были верными и точными, что мы всегда действовали своевременно. Нет, мы иногда опаздывали, иногда спешили. Мы недооценили сопротивление противников перестройки.

Поначалу за перемены выступали буквально все. Но потом оказалось, что курс на решительные, но эволюционные перемены устраивает далеко не всех – и среди людей, и в руководстве, и среди так называемых «элит».

С одной стороны – радикалы, которые смыкались с сепаратистами. Чувствуя нетерпение людей, особенно интеллигенции, они требовали «разрушить все до основания» и давали людям безответственные, несбыточные обещания о том, что через год-два в стране наступит рай земной.

С другой – консерваторы, застрявшие в прошлом, боявшиеся реальных перемен, не доверявшие свободному выбору людей и к тому же не желавшие терять прежние привилегии. Именно они, проиграв в открытой политической борьбе, пошли в августе

1991 года на путч, который ослабил мои позиции как президента страны и открыл дорогу радикальным силам, через несколько месяцев разрушившим Союз.

Я боролся за сохранение союзного государства политическими средствами. Подчеркиваю – политическими. Для меня было неприемлемо применение силы, которое могло поставить страну на грань гражданской войны. В этих условиях многое зависело от того, какую позицию займет руководство России. И оно, в конце концов, выбрало путь дезинтеграции страны.

Я готов был согласиться с максимальной экономической децентрализацией и предоставлением республикам самых широких полномочий. Но под аплодисменты российского парламента были разрушены все связи и даже такое важнейшее достояние, как единая оборона союзного государства. Последствия этого мы наблюдаем и сегодня. С этим я согласиться не мог. Поэтому заявил об уходе с поста президента СССР.

Но можно ли итоги перестройки сводить к распаду Союза, как это делают многие – одни по незнанию, другие злонамеренно? Нет. Распад союза, тяготы и лишения, которые пережили многие особенно в 90-е годы – результат срыва перестройки. Но это не отменяет главного: перестройка принесла в нашу жизнь такие глубокие перемены, которые сделали возврат в прошлое невозможным.

Это прежде всего политические свободы, права человека. Те права и свободы, которые сейчас воспринимаются как само собой разумеющееся – возможность голосовать на выборах, избирать своих руководителей. Возможность открыто высказывать свое мнение. Возможность исповедовать свою веру, свою религию. Возможность свободно выехать за границу. Возможность открыть свой бизнес и стать состоятельным человеком.

Не все из этого реализовано в полной мере. За прошедшие годы мы видели и срывы, и попятное движение, многое вызывало и продолжает вызывать тревогу, но я убежден: главные завоевания перестройки у людей уже не отнять.

То же самое я могу сказать и о внешнеполитических итогах перестройки. Мы покончили с гонкой вооружений. Начали процесс сокращения ядерного оружия, запасов которого в середине 80-х годов хватило бы для того, чтобы многократно уничтожить нашу планету (сейчас арсеналы сокращены в несколько раз, причем на взаимной основе). Мы нормализовали отношения с Западом, с Китаем. Вывели войска из Афганистана. Урегулировали региональные конфликты. Начался процесс интеграции страны в мировую экономику.

Это реальные достижения. Вы спросите: почему же так тревожно в мире сейчас? Может быть, и в этом виновата перестройка и новое мышление, которое мы предложили миру?

Нет, с этим я не могу согласиться. И опять скажу: сегодняшние опасности стали результатом срыва перестройки, распада Союза, отхода от принципов нового мышления, неспособности нового поколения лидеров выстроить систему безопасности и сотрудничества, отвечающую реалиям глобального, взаимозависимого мира.

Возможности, которые открывались с окончанием холодной войны, оказались упущены. Они не были использованы так, как следовало бы.

И главная причина этого (о чем я не раз говорил) – в искаженном представлении о том, что привело к окончанию холодной войны.

Распад Союза, вызванный внутренними причинами, многими на Западе был встречен с ликованием (в скобках скажу – потому что вы этого не видели и не помните – что и у нас многие ему радовались, за что им должно быть сегодня стыдно). Окончание холодной войны, от которого выиграли обе стороны и весь мир, было объявлено победой Запада и США. Триумфаторские настроения привели к тому, что «единственная оставшаяся сверхдержава» заявила претензию на монопольное лидерство в мировых делах и даже на строительство «американской империи».

В итоге мир не стал более безопасным. Вместо «мирового порядка» мы получили «глобальную смуту». Конфликты охватили не только страны «третьего мира», но и Европу. И сейчас вооруженный конфликт оказался буквально у нашего порога.

Я не буду сейчас подробно говорить об украинском конфликте. Сейчас надо не обсуждать вопрос о том, кто прав, кто виноват, кто выиграет, кто проиграет. Потому что уже проиграли все. Все внимание надо сосредоточить на прекращении огня и налаживании диалога на Украине, восстановлении доверия и сотрудничества в наших отношениях.

Буквально на днях я сказал в интервью, что впервые за многие месяцы увидел в переговорах на высшем уровне луч надежды, проявление более ответственного подхода, который может привести к миру. В такие моменты очень важно поддержать любые конструктивные шаги.

Надо как можно скорее выбираться из этой «мертвой зыби», которая может втянуть нас в новую холодную и даже «горячую» войну.

Это нужно миру – потому что пока всё внимание мировых лидеров поглощено этим конфликтом, глобальные проблемы усугубляются. Достаточно напомнить о глобальном изменении климата – цифры с каждым годом все тревожнее.

И это нужно России. Потому что при всей остроте международной ситуации и неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, мы должны признать, что кризисная ситуация в экономике и острые социальные проблемы – это то, что создали прежде всего мы сами, за что сами несем ответственность и что сами должны решать.

Как бы остры ни были нынешние экономические проблемы, мы должны понимать: корень наших бед – не в экономике, а в политике. Сложившаяся у нас политическая система не создает условий для реальной политической конкуренции, партийного плюрализма, соревнования программ и проектов.

На протяжении полутора десятилетий стабильность в обществе удавалось поддерживать за счет доходов от продажи нефти и газа на мировых рынках и высокого уровня доверия к президенту страны. Стабильность действительно необходима. Но если она достигается ценой политического застоя, выдавливания потенциальных конкурентов, сковывания общественной инициативы – рано или поздно такая стабильность лопнет.

Поэтому решая задачи борьбы с кризисом, руководство страны, на мой взгляд, должно задуматься и о перспективных задачах. А они связаны с продолжением движения по пути демократии, преодоления антидемократических тенденций последних лет. И молодежи предстоит принять в этом активное участие.

Ведь предстоит пройти буквально лезвию бритвы: добиться формирования реальных политических сил и партий, способных не просто конкурировать друг с другом, но и бороться за власть и в то же время – не допустить раскола общества. Я думаю, это задача не легче, чем политический поворот, который мы осуществили в годы перестройки.

С дистанции пройденных лет перестройка видится мне как пролог к трудному, но необходимому обновлению нашей страны, которое займет не одно десятилетие. И как первый шаг в становлении глобального мира, в основе которого сотрудничество равноправных народов.

Вы будете в этом участвовать.